

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2020, №4, Том 11 / 2020, No 4, Vol 11 <https://sfk-mn.ru/issue-4-2020.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/53SCSK420.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Синютин А.А. Трансформация ритуалов в контексте стилиевой дифференциации культуры // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2020 №4, <https://sfk-mn.ru/PDF/53SCSK420.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Sinyutin A.A. (2020). Transformation of rituals in the context of stylistic differentiation of culture. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 4(11). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/53SCSK420.pdf> (in Russian)

УДК 316

Синютин Александр Александрович

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Россия
E-mail: ssinyutin@mail.ru

Трансформация ритуалов в контексте стилиевой дифференциации культуры

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть изменения в ритуальных практиках, характерных для советского периода существования общества по сравнению с современными тенденциями в области такой формы культуры, как праздники и связанные с ними ритуалы. Проведенный анализ опирается на теорию моностилистической и полистилистической культуры, разработанной Л.Г. Иониным, которая позволила проанализировать взаимозависимость базисных фундаментальных ценностей российской культуры советского периода с их реализацией в отношении государственных праздников. Автор показывает, как ритуальные действия, осуществляемые в ходе праздников, способствовали формированию идентичности как части культурного целого. Установлено, что разрушение основных принципов моностилистической советской культуры вызвало кризис идентичности на уровнях государства, общества и личности. Это было в значительной степени обусловлено тем, что вновь созданное российское государство функционировало без государственного флага и гимна, т. к. символическое оформление смысла конституирования нового российского государства также вызвало общественную дискуссию. Закономерно, что в этих условиях в различных регионах России наблюдалась активизация введения различных ритуалов, направленных на закрепление культурной самобытности локального уровня. Их утверждение начиналась с публичной репрезентации внешних форм культуры – символики одежды, поведенческого кода и т. д. Но наряду с распространением ритуалов на локальном уровне постепенно происходит институционализация культуры потребления, формирование ориентиров, ранее не характерных для российской культуры: празднование Дня святого Валентина, Хэллоуина, региональные фестивали (цветов, дней урожая и пр.). Анализ факторов и условий трансформации ритуалов в контексте стилиевой дифференциации культуры позволил прийти к следующим выводам: разрушение основных принципов моностилистической советской культуры вызвало кризис идентичности на уровне государства, общества и личности. Параллельно с этим начался поиск новых смыслов, идентичностей, создание новых культурных форм, но уже в соответствии с ценностями и идеями общества потребления, что привело к распаду моностилистической культуры, проявление которого можно наблюдать, в частности, в отношении к официальным ритуалам.

Ключевые слова: ритуал; праздник; ценности; моностилистическая культура; полистилистическая культура; трансформации

Трансформации ритуалов в культуре российского общества определяются рядом факторов, одним из которых выступает отход от моностилистического типа культуры, характерного для советского периода жизни российского общества. Не вызывает сомнений, что основообразующими элементами любой культуры, в том числе и российского общества, являются ценности, задающие конвенциональные нормы и стили социального поведения. Для трансмиссии данных элементов культуры используются различные средства, среди которых одним из самых видимых становится традиция, а безусловное ей следование воплощается в каноне (от греческого *Κανον* – норма, правило). Как правило, в социологии данный термин рассматривается как «свод положений, имеющий догматический характер»¹, предписывающий нормы для всех сфер деятельности того или иного общества. При этом в случае, когда ценности, верования, убеждения и нормативные паттерны социального поведения, вырабатываемые в ходе осуществления социальных действий, находят понимание и поддержку среди большинства населения, культура рассматривается как репрезентативная, что предполагает наличие традиций, сформированных в процессе культурно-исторического развития конкретного общества [1]. Основными особенностями подобной культуры является корреляция между верой и поведением и преобладанием универсальных норм, принятых в обществе над индивидуальными стилями поведения и образом жизни. Именно такая конгруэнтность всех элементов культуры (ценностей, поведенческих норм, верований и др.) формирует ее моностилизм, что, по мнению Л. Ионина, если «любая из жизненных форм, любой из культурных стилей понята как репрезентативная культуры группы, распространены на все общество, то это означает, что данное общество – общество моностилистической культуры» [2, с. 128]. Такое положение выражается в том, что любое событие (в том числе и праздники), укоренившееся в обществе в качестве признанного, репрезентируется деятелями культуры (официальными лицами) только в контексте общепризнанных ценностей и представлений. То, что не «вписывается» в рамки общепринятого, просто отвергается и исключается из социальной жизни общества. Если обратиться к советскому периоду нашего общества, то вполне очевидным представляется, что общепризнанным жанром всех видов художественной культуры был социалистический реализм.

Л.Г. Ионин, опираясь на идеи, высказанные известным немецким мыслителем Тенбруком, считает основными компонентами моностилистической культуры следующее:

- наличие «культурных экспертов», создающих, регламентирующих и контролирующих культурное производство, тем самым, устанавливающих монополию культурного стиля;
- создание определенной регламентации в ходе реализации культурных событий (время проведения, конкретные места проведения, даты и т. д.);
- введение канонизации в стили (жанры) культурного творчества;
- закрепление определенных паттернов поведения, касающихся всех видов публичной жизни;
- иерархия в представлении мировоззрения;

¹ Социологический энциклопедический словарь под ред. О.Г. Осипова. Издательская группа ИНФРА: М-НОРМА, 1998. (с. 117).

- универсализация культурного стиля; предписывающего, что следует рассматривать как «добро», а что как «зло», кого считать «святыми», а кого «грешниками» и пр.);
- упрощение, когда неизвестные явления объясняются через известные и понятные;
- телеологичность, когда цели социокультурного развития интерпретируются как основа для консолидации общества;
- трансляции общих целей в частные цели жизнедеятельности конкретных людей [2].

Неукоснительное следование вышеназванным характеристикам, собственно говоря, и формирует моностилистическую культуру. К культурам этого типа можно отнести культурные системы теократических государств, которые существовали в различные исторические эпохи и в которых они определяли функционирование экономических и политических институтов. К такого рода культурным системам, согласно Л.Г. Ионину, следует отнести и культуру советского общества, все сферы функционирования которого были подчинены идее достижения коммунизма как социального идеала. Так, например, С.Г. Кирдина, анализируя взаимозависимость базисных фундаментальных ценностей российской культуры советского периода с их реализацией в экономических и политических институтах, отмечает, что «Марксизм и социализм являлись наиболее передовой и теоретически обоснованной в тот период общественной доктриной, отражающей принципы свойственной российскому обществу коммунитарной идеологии. Поэтому они были восприняты массовым сознанием и даже были реализованы в конкретном экономико-политическом режиме» [3, с. 192]. К базисным ценностям Кирдина относит следующие: коллективизм, эгалитаризм, социальный порядок, ориентацию труда на благополучие, которое понимается значительно шире его материальной составляющей. Отсюда можно заключить, что в совокупности этот комплекс определяет социоцентристский тип мотивации повседневного поведения индивида, предполагающий, что интересы коллектива (шире – социума) ставятся выше, чем интересы индивида, а воспроизводство сложившихся социальных взаимодействий, обеспечиваемых традицией, – выше, чем индивидуальная свобода, что получило свое олицетворение в культурной политике советского государства (КПСС).

На поддержание этого ценностного комплекса ориентирована традиция и ритуалы, в которых символически демонстрируются и процессуально закрепляются эти ценности [4]. При этом участие в ритуальных действиях, которые реализуются в строго в определенных местах (пространствах) и по определенному канону и которые сопровождаются определенными вербальными утверждениями и заклинаниями, – весь этот комплекс направлен на визуальную демонстрацию причастности индивида культурному целому, укрепление его идентичности как частицы этого целого. Эта установка вербализовалась в призыве: «Народ и партия (читай: государство) – едины!».

Не случайно в советский период истории на территории большой страны почти все ритуалы были посвящены датам официальной истории государства, которое вело начало от 1917 г. Все государственные события отмечались по сценариям, разработанным и утвержденным официальными государственными структурами. Эти сценарии включали понятные символы, цветовое оформление, призывы, строго отобранные гимны и песни. Единство государства и общества при доминанте и определяющей роли государства (КПСС) выступало сакральным ядром культуры. Этот принцип был положен в основу государственной идеологии и не подвергался сомнению и какому-либо анализу. Более того, сакральная зона культуры вообще была запретной для какой-либо рационализации. В качестве интегральной

ценности, включавшей в себя как составные части коллективизм, эгалитаризм, социальный порядок, ориентацию на общественное благополучие, выступал патриотизм.

Системные социальные реформы 90-х годов, переориентировавшие российское общество на рыночные принципы в экономике и на принципы демократической организации в политике, утвердившие эти принципы и нормы в основном законе страны – Конституции, по сути, определили курс на переориентацию ценностного сознания общества. Вектор этого движения указывал в качестве главной цели развитие творческих сил и свобод личности. Социоцентризм в духовной жизни был вытеснен персоноцентризмом, который утверждался стихийно активной деятельностью различных субъектов медийного пространства.

Динамика изменений в ценностных ориентациях населения России измерялась исследовательским коллективом под руководством академика Н.И. Лапина синхронно с проведением реформ в России. По результатам мониторинговых исследований Н.И. Лапин фиксирует в 1998 г., что сохраняется интегрирующее ядро ценностей: по-прежнему доминируют терминальные ценности – семья, общение и инструментальная ценность – социальный порядок. Однако наблюдается тенденция рационализации ценностей, «снижение влияния мифологизированных целей и средств, далеких от собственных потребностей индивидов и реальных социальных групп как конкретных субъектов поведения, поступков. В отличие от 1990 г., когда большинство россиян связывали решение своих жизненных проблем прежде всего с деятельностью властей, ныне уже около 55 % респондентов надеются прежде всего на самих себя» [5, с. 81–82].

Изучение представлений россиян о свободе в различных сферах деятельности, прежде всего, в экономической и политической, привели ученых к выводу о том, что юридическое закрепление гражданских прав на экономическом и политическом уровне обусловило возникновение больших ограничений, вызванных отсутствием ресурсов для реализации свободы. Индивидуальная свобода продолжала ограничиваться двумя факторами: сохранением принципов властных отношений, сложившихся в советской «административно-командной системе», и доминированием неправового социального пространства. Как указывает М. Шабанова, «Современную социальную свободу в России можно определить как неправовую и «незаконнопопослушную» (в гражданском плане), в значительной мере сохранившую прежние административно-командные зависимости, где властвует не закон, а личные предрасположенности, распоряжения, улаживания, неформальные связи и пр.» [6, с. 85–87]. Наблюдения М. Шабановой свидетельствуют о том, что институциональные ограничения свободы вызвали ее трактовку на индивидуальном уровне, преимущественно в экономическом понимании: «наличие денег, работы и обеспечиваемая ими стабильность жизни – вот главные признаки свободного человека в представлениях самой многочисленной группы сегодня» [6, с. 402]. Невозможность обеспечения этих целей в условиях правового обеспечения свободы деятельности вызвало отчуждение значительной части общества от власти. Данный вывод можно обнаружить у известного российского социолога Н.И. Лапина, который после проведения обширного эмпирического исследования отмечал, что «...отчуждение, навязывавшееся извне, сменилось самоотчуждением населения от повседневного участия в политике и самоотчуждением демократических институтов власти от повседневного взаимодействия с населением. Возникли два непересекающихся и вполне удовлетворенных этим круга политического самоотчуждения: круг властвующих верхов и круг безразличных к власти низов» [7, с. 28]. Эти выводы косвенно свидетельствовали об отказе большинства общества от моностилистической культуры, которая обеспечивалась структурами государственной власти. В значительной степени этому отказу способствовала политика российского государства, направленная на отказ от единого центра разработки и распространения государственной идеологии, иерархии ценностей, подрыв доверия к официально признанным экспертам в области культурного творчества.

Принципы моностилистической культуры, которые ранее опирались и защищались ресурсами государственной власти, были вытеснены прямо противоположными принципами полистилистической культуры: деиерархизацией, деканонизацией, неупорядоченностью и др. Выделим главные в контексте нашего анализа принципы культурного полистилизма:

- детотализация, которая «означает исключение какого-либо видимого, воспринимаемого единства и многообразия культурных феноменов»;
- включение любых различных по стилистике культурных элементов: «Любые содержания актуально либо потенциально включаются в культуру; совершенно различные по происхождению системы знаков и символов начинают взаимодействовать, а некоторые символы постоянно «путешествуют» из одной системы в другую» [2];
- эзотеричность – вместо официального консенсуса моностилистической культуры;
- ателеологичность – «возникновение новых культурных форм и стилей часто сопровождается отказом признавать какую-либо цель развития культуры, общества, человеческого существования вообще» [2, с. 246–248].

Разрушение основных принципов моностилистической советской культуры вызвало кризис идентичности на уровнях государства, общества и личности, но параллельно с этим – поиск новых смыслов, идентичностей и создание новых культурных форм. Этот процесс был стимулирован распространением ценностей потребительского конформизма, который фиксировался в различных эмпирических исследованиях [2, с. 246–248].

Тенденция распада моностилистической культуры проявилась в областях культуры, в том числе и сфере официальных ритуалов, нацеленных большей частью на символическое взаимодействие в контексте значимых культурных событий (праздников), что наиболее ярко проявилась по отношению к знаковым для всей страны историческим событиям, вызвавшим ожесточенные дискуссии. В качестве примера следует, в первую очередь, привести отношение к празднику 7 ноября, отмечавшегося ежегодно как годовщина Октябрьской революции 1917 года и обладавшего всеми характеристиками государственного ритуала. В условиях трансформаций, происходивших в этот период в российском обществе, приведших к отсутствию единой оценки данного события среди новой политической элиты, а также многочисленные обсуждения в средствах массовой информации привели к отказу от проведения каких-либо официальных ритуальных торжеств в память об этом событии. При этом в год столетней годовщины со дня Октябрьской революции, которая пришлась на 2017 год, отсутствие официальных мероприятий не вызвало какой-либо значимой публичной реакции как со стороны политической элиты, так и со стороны гражданского общества [8]. В результате когда-то государственно образующий ритуал, наделяемый сакральным смыслом, переместился на периферию исторической памяти. Следует также напомнить, что в течение ряда лет после официального утверждения Российской Федерации, само вновь созданное российское государство функционировало без государственного флага и гимна, т. к. символическое оформление смысла конституирования нового российского государства также вызвало общественную дискуссию.

В этих условиях в различных регионах России наблюдается активизация введения различных ритуалов, направленных на закрепление культурной самобытности локального уровня. Основанием для таких практик было сохранение в латентных формах культурных моделей, сформированных в процессе исторического развития этнических сообществ и религиозных институтов (культурные модели адыгов, калмыков, народов Дагестана, казаков, татар, якутов, чеченцев и др.; культурные модели Православия, Иудаизма, Ислама и др.). Их

утверждение начиналась с публичной репрезентации внешних форм культуры – символики одежды, поведенческого кода и т. д. Широкую поддержку в обществе обрели религиозные праздники.

Наряду с распространением ритуалов на локальном уровне, постепенно происходит институционализация культуры потребления, чему способствовали следующие тенденции: создание рыночных отношений, бурное развитие рекламы и потребительских рынков, что привело к внедрению в общественное сознание ценностей рекреации и потребления и смещению ориентиров в сторону утверждения ритуалов, закрепляющих индивидуализированно-чувственные ценности [9]. Так, широкое распространение получили ритуальные практики, связанные с празднованием Дня святого Валентина, Хэллоуина, региональных фестивалей (цветов, дней урожая и пр.), ранее не характерных для российской культуры. Ряд репрезентативных исследований, проведенных социологами и антропологами, показали, что советские государственные праздники и соответствующие им ритуальные практики, повсеместно поддерживаемые большинством населения, но уже осуществляемые в 70–80-е годы на свой лад как праздники неформальной сферы, в 90-е годы прошлого века стали замещаться частными (негосударственными праздниками) – Новым годом, днями рождения. Так, например, опрос, проведенный ВЦИОМ в 2001 г., выявил, что «в списке из шестнадцати праздников Новый год и собственный день рождения занимают соответственно первое и второе места. 91 % от числа принявших участие в опросе назвали Новый год наиболее популярным праздником, а 74 % – день рождения» [10, с. 5].

Таким образом, проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам: разрушение основных принципов моностилистической советской культуры вызвало кризис идентичности на уровнях государства, общества и личности. Параллельно с этим начался поиск новых смыслов, идентичностей; создание новых культурных форм, но уже в соответствии с ценностями и идеями общества потребления, что и привело к распаду моностилистической культуры, проявление которого можно наблюдать, в частности, в отношении к официальным ритуалам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Синютин А.А. Ритуал как предмет социологических исследований (социокультурный контекст) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ritual-kak-predmet-sotsiologicheskikh-issledovaniy-sotsiokulturnyy-kontekst> (дата обращения: 10.10.2020).
2. Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2004.
3. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск, ИЭиОПП Со РАН, 2001.
4. Кузнецова А.В., Петрулевич И.А. Городской текст: семиозис культурного кода // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 11. С. 89–95.
5. Лапин Н.И. Изменение ценностей и новые социокультурные структуры // Куда идет Россия?.. Трансформация социальной сферы и социальная политика / Под общ. Ред. Т.И. Заславской. – М.: Дело, 1998.
6. Шабанова М.А. Индивидуальная и социальная свободы в реформируемой России // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / Под общ. Ред. Т.И. Заславской. – М.: Дело, 2000.
7. Лапин Н.И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России. – 2000 – № 3.
8. Колоницкий Б.И., Мацкевич М.К. Десакрализация революции и антиреволюционный консенсус в современной России: юбилей 2017 года и его политическое использование/неиспользование // Мир России Т. 27, № 4. 2018. – с. 78–101.
9. Хамрина Юлия Александровна Способы и пути трансформации ритуалов в современном обществе // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. №347. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-i-puti-transformatsii-ritualov-v-sovremennom-obschestve> (дата обращения: 03.10.2020).
10. Калачева О. Празднование как индикатор социальных изменений: старые и новые праздники постсоветской России // «Телескоп»: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2003, № 1. С. 3–11.

Sinyutin Alexander Alexandrovich

Southern federal university, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: ssinyutin@mail.ru

Transformation of rituals in the context of stylistic differentiation of culture

Abstract. The article attempts to examine changes in ritual practices, typical for the Soviet period of society in comparison with modern trends in the field of such forms of culture as holidays and related rituals. This analysis is based on the theory of monostylistic and polystylistic culture developed by L.G. Ionin, which allowed us to analyze the interdependence of the basic fundamental values of Russian culture of the Soviet period with their implementation in relation to public holidays. The author shows how the ritual actions performed during the holidays contributed to the formation of identity as part of a cultural whole. It is emphasized that the transition to a polystylistic type of culture has changed the attitude to the perception of holidays and to the accompanying ritual practices.

Keywords: ritual; celebration; values; monostylistic culture; polystylistics culture; transformation